

Спички стали тем самым маленьким изобретением из будущего, которое Хань Чжан выбрал после долгих и мучительных раздумий.

Неказистая вещица, казалось бы, сущий пустяк, но в повседневной жизни она играла огромную роль, а при умелом подходе сулила весьма приличный доход, идеально вписываясь в качестве нового промысла для клана Хань. И, что немаловажно, это было куда безопаснее, чем вывалить на рынок мыло или стекло! Спички довольно легко скопировать, а значит, их рецепт не привлечет внимания сильных мира сего и не навлечет на семью беду.

— Спички, если говорить просто, это нечто вроде огнива, кремня или трута, только зажигаются они мгновенно, пользоваться ими проще простого, они не боятся сырости, и их удобно носить с собой, — Хань Чжан неспешно обвел взглядом собравшихся старейшин, стараясь говорить максимально доходчиво. — К тому же себестоимость у них копеечная, а технологию легко повторить, так что жадных вельмож они не заинтересуют. Но именно из-за простоты копирования нам нужно в первые месяцы накопить как можно больше товара, чтобы сорвать куш одним махом, а удастся ли удержать этот бизнес в дальнейшем, зависит уже от того, смогу ли я сдать экзамены и получить чиновничью должность, которая защитит наш клан...

Он кратко изложил суть изобретения, схему заработка и возможные риски. И хотя показать готовый образец он пока не мог, дедушка Хань и остальные старейшины, выдавшие на своем веку немало, мгновенно уловили суть и загорелись неподдельным интересом.

Глава клана подался вперед, и в его глазах вспыхнул лихорадочный огонек:

— Далагэ, ты и вправду сможешь смастерить эти... как их... спички?

— Дедушка глава клана, речь идет о выживании всего рода, неужели я стал бы бросать слова на ветер? — Хань Чжан чуть приподнял бровь, позволяя себе легкую укоризну. — Я уже прикинул себестоимость: одна коробка на тридцать палочек обойдется примерно в пять медных монет. Простую упаковку можно продавать по пять-десять монет, нарядную по десять-тридцать, а роскошную и вовсе по пятьдесят и выше.

Он сделал паузу, давая цифрам уложиться в головах слушателей.

— Не бойтесь, что товар залежится. Для простого люда цена, может, и кусается, но для купцов, трактиров и знатных господ это сущие гроши. Огниво и кремень тоже стоят недешево, а стоит им чуть отсыреть, и толку от них никакого. Так что у наших спичек перспективы самые радужные...

О баснословных барышах речь не шла, но несколько сотен лянов серебра выжать вполне реально. А с такими деньгами, даже оставшись без полей, клан сможет закупать зерно в городе и продержаться до тех пор, пока он не подыщет выгодную партию для брака и не сдаст осенние экзамены.

Глава клана и старейшины, в отличие от простых крестьян, имели за плечами немалый жизненный опыт, мыслили шире и не боялись рисковать. Чем больше они обдумывали затею, тем сильнее разгорался их азарт.

После бурных и жарких прений глава клана хлопнул ладонью по столу:

— Раз уж полей у нас все равно нет, а молодежь и так собиралась тащить мешки на пристани, почему бы не рискнуть и не запустить эти самые спички, о которых говорит Далагэ!

А что будет, если затея провалится? Этого глава клана озвучивать не стал, потому что существовало поверье о дурных пророчествах, сбывающихся от одного лишь слова, и лучше было не искушать судьбу. В худшем случае придется потерпеть еще немного лишений или же склонить голову перед кланом Ло и семьей Сун, стиснув зубы и изображая послушного внука.

— Отлично, раз все согласны, за эти выходные я составлю подробный план и устав, и мы откроем при клане спичечную мастерскую, — Хань Чжан не любил лишних слов и, приняв решение, тут же перешел к делу.

В тот же вечер, не смыкая глаз до рассвета, он исписал стопку бумаги подробнейшим планом запуска спичечной мастерской и сводом правил. Для него это не составляло никакого труда: до апокалипсиса он успел открыть собственную компанию, и управление маленькой мастерской казалось ему задачей уровня начальной школы. А в древнем клане, стоило главе и старейшинам дать добро, как распределение людей шло гладко и без проволочек, ведь сплоченность древних родов была такой, что современному человеку и не снилась.

Достаточно было одного приказа.

Члены клана Хань закипели, словно муравейник, в который ткнули палкой. Одни бросились собирать деньги, другие рыскали в поисках сырья, третьи жадно впитывали технологию, четвертые таскали тяжести и выполняли черновую работу. Стар и млад, все трудились под руководством Хань Чжана, четко и слаженно, как на современной конвейерной линии.

Разумеется, все это делалось в строжайшей тайне, чтобы клан Ло не пронюхал и не устроил пакостей.

Поэтому, когда любопытные деревенские замечали, как члены клана Хань снуют туда-сюда, таская охапки дров, и спрашивали, чем это они заняты и почему не ищут работу в городе, раз уж отказались от полей Сун, глава клана лишь морщил лоб и тяжело вздыхал:

— Эх, работу в городе не так-то просто найти, мы ведь неграмотные, остается только таскать мешки на пристани, но надолго ли здоровья хватит? Вот и решили: у нашего третьего дядьки, как вы знаете, золотые руки плотника, пусть молодежь перенимает мастерство, а там, глядишь, если с полями совсем худо станет, плотницкое ремесло тоже кусок хлеба принесет.

Деревенские слушали, открыв рот, и слова застревали у них на языке. Хотелось сказать, что упрямство клана Хань сродни ослиному, ведь в такие времена гордость не накормит, и лучше уж склонить голову. Но, вспомнив наглость и жадность клана Ло, они понимали, что если Хань покорятся, их превратят в дворовых псов. А на такое унижение, не доведенный до самого края, никто не согласится.

И деревенские, бросив сочувственный взгляд, расходились по домам. Помогать, конечно, никто не собирался: соседи есть соседи, и никто не горел желанием навлечь на себя гнев клана Ло и стать следующей мишенью.

Так, в суете и хлопотах, пролетело несколько дней. К концу выходных спичечная мастерская семьи Хань уже уверенно встала на ноги, и оставалось лишь накопить побольше товара, найти подходящих покупателей и разом сбыть его, получив первую прибыль.

А Хань Чжану пора было возвращаться в академию.

Перед отъездом матушка и бабушка, как заведено, настряпали ему двадцать чайных яиц и сшили новую пару обуви.

— Далагэ, вот тебе чайные яйца от бабушки, целых двадцать штук, угости одноклассников в академии, мы хоть и не знатный род, но и жадничать негоже, живи с товарищами дружно.

— И вот новые башмаки, ученые мужи должны выглядеть опрятно, носи их, чередуй со старыми, а те дырявые выброси, не то засмеют...

Бабушка и матушка наперебой сыпали наставлениями, их руки то и дело поправляли его воротник и одергивали рукава.

Остальные домочадцы тоже не отставали, окружив его плотным кольцом заботы:

— Далагэ, учись спокойно, дома все сделают без тебя, не бери лишнего в голову.

Ведь только если Далагэ сдаст экзамены и станет чиновником, клан Хань перестанут топтать. Им не страшно было горбатиться и голодать, лишь бы старший добился успеха.

— Старший брат, мы будем усердно работать в мастерской и, когда заработаем серебро, снова купим тебе кисти и тушь!

— Брат, я буду скучать, ты тоже обо мне думай...

Младшие липли к нему, не желая отпускать, их пальцы вцеплялись в его рукава, а в глазах стояли слезы. Каждый раз, возвращаясь домой, старший брат находил время учить их

иероглифам и рассказывать истории, и расставание давалось им нелегко.

Эта сцена прощания, пропитанная такой густой, почти осязаемой нежностью, была совершенно непривычна для Хань Чжана, всю жизнь проведенного в сиротстве. Но от этого тепла в груди разливалось что-то мягкое и щемящее, и ему это нравилось.

Он обвел взглядом своих новых родственников, их пожелтевшие от недоедания лица и залатанную одежду, потом посмотрел на свой собственный, пусть и не роскошный, но вполне добротный хлопковый халат, на свои ладони, здоровые, полные и без единой мозоли.

Кажется, теперь я понимаю, почему прежний хозяин этого тела зубрил до кровавого пота.

Долго помолчав, Хань Чжан наконец расплылся в легкой, чуть виноватой улыбке и по очереди взъерошил волосы младшим:

— Дедушка, бабушка, батюшка, матушка, братишки, сестренки, дядя, тетки, берегите себя, я поехал.

С этими словами он приставил кулак ко лбу, отвесил глубокий поклон и, развернувшись, вскарабкался на ослиную повозку, направлявшуюся к академии.

Конечно, в этой жизни у него появились родственные узы, и прежней одинокой свободы уже не вернуть. Но, поразмыслив, он решил, что это ощущение... совсем даже неплохое.

Глядя на удаляющиеся фигурки родных, становившихся все меньше и меньше, Хань Чжан, чья улыбка обычно никогда не касалась глаз, позволил своему взгляду на мгновение потеплеть.

...

В деревне прежний хозяин был местной знаменитостью, но в стенах академии он ничем не выделялся. Бедных книжников, подобных ему, здесь было пруд пруди, а академия Сянань считалась одной из лучших в столице, так что посредственных учеников из простонародья сюда попросту не пускали, и на их фоне оригинал не имел никаких заметных преимуществ.

Поэтому по возвращении Хань Чжану не пришлось тратить время на светские расшаркивания, и это его более чем устраивало. У него появилось свободное время, чтобы освоиться с древней системой обучения, книгами и местными обычаями. А заодно и обдумать, как бы обману... ой, то есть очаровать богатую и знатную невесту и сесть ей на шею.

Да-да, Хань Чжан решил последовать примеру ученого Ло и с помощью сладких речей выманить себе в мужа состоятельного гэра из хорошей семьи. И винить его в отсутствии гордости не стоит, у него просто не было другого выхода. Пробыться бедному книжнику в древности было невыносимо трудно, а теперь, когда клан Ло и семья Сун точили на них зуб,

без выгодного брака неприятности посыпались бы одна за другой.

Мягкий рис, мне нужен мягкий рис, и точка.

Кожа на лице у него толстая! К тому же, другие парни и рады бы стать содержанками, да внешность не позволяет. А раз уж небеса подарили ему такую смазливую физиономию, было бы просто невежливо не воспользоваться их щедростью, иначе и совесть замучает, и молния с неба прилетит.

Небеса: ...Я не я, и лошадь не моя, не приписывай мне свои грехи, отродье неблагодарное!

Как бы то ни было, медлить не стоило. Сделав глубокий вдох и собрав волю в кулак, Хань Чжан перешел к активным действиям.

Первый шаг: выяснить, какие вообще неженатые гэры из чиновничьих семей водятся в столице. Это было проще простого, достаточно было проникнуть в дома к официальным свахам и заглянуть в их списки. Ведь для свахи, особенно казенной, вести подробный учет девиц и гэров из знатных родов было одной из базовых обязанностей.

Второй шаг: отфильтровать по возрасту и чиновничьему рангу будущего тестя! Гэры моложе восемнадцати лет отпадали сразу, поскольку несовершеннолетние еще не созрели, и поднимать на них руку он не собирался. Тестя выше четвертого ранга тоже вычеркиваем: при таком чине семья точно не посмотрит в его сторону, и его попытка охмурить их сына закончится не свадьбой, а ударами палкой. Идеальный тесть должен болтаться где-то между четвертым и пятым рангом, ни высоко, ни низко.

Третий шаг: оценить степень любви и баловства в семье! В древности у мужчин было по три жены и четыре наложницы, а детей во внутренних покоях водилось столько, что и не сосчитаешь. Ресурсы тестя ограничены, и если его отпрыск не в фаворе, то и помощи от него будет с гулькин нос.

Четвертый шаг: проверить, не занято ли уже сердце кандидата! Быть третьим лишним неблагодарное занятие, а ломать чужие стены слишком хлопотно.

Пятый шаг: оценить начитанность и характер! Слишком образованных лучше не трогать, потому что начитанный человек видит насквозь. Холодных и рассудительных тоже мимо, их не разведешь, а чересчур чувствительных и подавно, с ними только головная боль.

Шестой шаг: отфильтровать по...

Большая часть этих сведений была сугубо личной, и обычному человеку до них не добраться. Но Хань Чжан был не обычным человеком. Обладая растительной сверхспособностью, он мог повелевать цветами, травами и деревьями, превращая их в незаметных соглядатаев, и без

всякого шума визнавать все секреты внутренних покоев знатных домов.

Так, проведя целый месяц в роли благородного воришки, подслушивающего из листвы, Хань Чжан в итоге отобрал пять кандидатов, более-менее подходящих под его критерии.

Один из них был вдовцом, без детей.

Второй находился в разводе, тоже бездетный.

Третий и четвертый также были разведены, но от прежних мужей у них остались дети.

А пятый, единственный неженатый, обладал настолько скверной репутацией, что, по слухам, имел привычку хлестать слуг плетью и отличался крайне буйным нравом.

Хань Чжан молча уставился в потолок.

Ладно, раз уж решил есть мягкий рис, нечего привередничать. Нельзя хотеть всего и сразу.

Я смогу. Я точно смогу!

<http://bllate.org/book/20159/2088010>